

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Д.С. Аваева

ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»

Анализ отечественного и зарубежного опыта правового обеспечения цифровой трансформации экономики показывает тенденцию к увеличению числа нормативных правовых актов в этой сфере, а также числа вопросов, входящих в предмет правового регулирования. Так, в Республике Кыргызстан был разработан Цифровой кодекс, аналогичная инициатива рассматривается в Российской Федерации. В Республике Казахстан был принят Закон «Об онлайн–платформах и онлайн–рекламе», который заложил основы государственной политики в отношении цифровых платформ.

В Республике Беларусь уделяется пристальное внимание нормативному правовому обеспечению развития отдельных видов деятельности, составляющих цифровую экономику, а также противодействию использованию цифровой экономики в качестве инструмента политического воздействия. В тоже время ввиду отсутствия базового акта, который бы закреплял основы государственной политики и правового регулирования цифровой экономики, существует большое число пробелов и правовой неопределенности по поводу рассматриваемых отношений, что значительно сказывается на правоприменительной практике, состоянии защищенности национальных интересов в данной области, а также прав и законных интересов граждан и иных субъектов в цифровой экономике.

Помимо разработки законодательной основы регулирования цифровой экономики в Республике Беларусь актуальным остается совершенствование отраслевого законодательства, направленного на реагирование на вызовы и угрозы, порожденные цифровой трансформацией.

1. Отметим необходимость решения проблем правового регулирования защиты данных и конкуренции в условиях цифровой экономики, на которую указывают в том числе Д. О. Солонец, О. М. Куницкая [1, с. 154–158]. На уровне национального законодательства вопреки распространенной позиции о необходимости полного пересмотра Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94–З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» обозначим актуальность включения некоторых рамочных норм о цифровых рынках, например, в части определения подходов к рассмотрению цифровых рынков, операторов цифровых платформ и др. для целей антимонопольного регулирования;

установления запретов для операторов цифровых платформ, занимающих доминирующее положение на рынке, на использование данных, алгоритмов, технологий и правил платформы для злоупотребления доминирующим положением на рынке и др.

Важным условием реализации положений данного Закона станет дальнейшая конкретизация его положений на уровне актов Министерства антимонопольного регулирования и торговли, например, Инструкции о порядке определения доминирующего положения хозяйствующего субъекта, утвержденной Постановлением Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь 27 декабря 2017 г. № 63. В частности, для определения географических границ цифровых рынков следует принимать во внимание потребительские предпочтения и привычки, язык, сочетание онлайн-овых и офлайн-овых услуг; при рассмотрении эффекта замещения на стороне предложения учитывать технические барьеры выхода на рынок, сетевые эффекты, эффекты блокировки, транспортные расходы, трансграничную конкуренцию, а на стороне спроса – функции платформы, используемые бизнес-модели, параметры соответствующих групп пользователей, наличие онлайн-транзакций и другие.

2. Следует также комплексно подойти к вопросу о дополнении Гражданского кодекса и иных законов, которые направлены на нормативную правовую регламентацию обращения цифрового имущества и цифровых имущественных прав. Весьма обоснованным в рассматриваемом контексте видится предложение К. А. Мефодьевой о введении единой правовой категории «цифровых данных» как нового объекта гражданских прав (с условием его отделения от иного имущества) и установлении в отношении него нового правового режима абсолютных прав, сходных с правовым режимом собственности [2, с. 46, 125, 141]. Отметим, что задачами настоящего исследования не охватывается разработка норм, определяющих содержание предлагаемого правового режима, поэтому ограничимся поддержкой данной научной позиции, а также подчеркнем необходимость дальнейшей разработки предложений, сформулированных указанным автором, особенно в части уточнения: отдельных правомочий, составляющих содержание абсолютного права на цифровые данные; правового статуса субъектов прав на цифровые данные; перечня способов правового регулирования и средств правового воздействия, а также оснований приобретения и прекращения прав на цифровые данные; актуальных способов защиты субъективных прав на цифровые данные.

Наконец, товары с цифровым компонентом и цифровые услуги преимущественно вписываются в существующую систему объектов правоотношений, однако в некоторых случаях требуют адаптации законодательства в области защиты прав потребителей. Полагаем, что в Законе Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90–З «О защите прав потребителей» требуют дополнительного закрепления нормы,

устанавливающие особенности содержания договоров, опосредующих реализацию данных объектов, в том числе дополнительные условия, определяющие их качество, отдельные права потребителей, нормы, обязывающие поставщиков услуг и (или) продавцов бесплатного предоставления обновлений, направленных на поддержание функций и безопасности, запрещающие исключение или ограничение ответственности.

3. Требуется корректировки информационное законодательство, во-первых, в части определения особенностей правового режима открытых данных и открытых государственных данных; во-вторых, требуется регулирование использования рекомендательных алгоритмов, которые связаны с деятельностью операторов цифровых платформ.

Так, в правовом закреплении нуждается размещение и использование открытых данных, позволяющих повысить качество государственного управления, электронного правительства, а также являющихся основой и необходимым условием для развития иных технологий. Полагаем, что дальнейшее развитие законодательства Республики Беларусь в области регулирования оборота данных должно обеспечиваться принятием общей национальной стратегии данных в Республике Беларусь, а также получить дальнейшую конкретизацию на уровне специальных актов, в том числе в сфере использования машиночитаемых данных, открытых государственных данных и др. При определении особенностей правового режима открытых данных следует учитывать возможные коллизии с режимом персональных данных, коммерческой тайны и иных. Для минимизации возможных рисков (возрастания объемов хранимой информации, рост издержек на поддержание дата-центров и др.), широко распространенной является практика (в особенности среди государств-лидеров цифровой экономики США, КНР, а также ЕС) разработки и принятия стандартов в области открытых данных для унификации механизмов регламентации их использования, что позволяет рассчитывать на так называемый «эффект Брюсселя», то есть распространение необходимых регуляторных практик на иные страны с целью определения «правил игры» для них. В этом контексте видится актуальным создание в рамках ЕАЭС наднационального стандарта оценки качества наборов открытых данных государства с учетом трансграничного характера рассматриваемых отношений.

Наконец, выделим проблему нормативной правовой регламентации рекомендательных алгоритмов применительно к операторам цифровых платформ, использующих их с целью формирования потребительского поведения (агрегаторы информации о товарах, услугах, работах, о цифровом контенте) или обеспечения поиска информации, распространения новостей и коммуникации (поисковые системы, новостные агрегаторы и социальные медиа платформы). Рекомендательные алгоритмы представляют собой программное

обеспечение, которое позволяет генерировать, анализировать, искать, фильтровать информацию, а также выступать средством для автоматизированного планирования и принятия решений пользователями. Их использование может сопровождаться следующими рисками, требующими нормативной правовой регламентации: усиление потенциально вредного контента; ограничение свободы действий пользователей; редуцированный характер машинного обучения, которое основывается на профилировании пользователей; нарушение конфиденциальности пользователей.

Для их решения необходима разработка как базовых норм по обеспечению надлежащего информирования субъектов об использовании рекомендательных алгоритмов, обеспечения «ручной» настройки или отключения данной услуги, запретов на использование рекомендательных алгоритмов, нарушающих национальное законодательство страны, в которой находится потребитель данного сервиса, причиняющих или создающих угрозу национальным интересам (в рамках Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455–З «Об информации, информатизации и защите информации»), так и специальных технических норм, устанавливающих определенные стандарты по своевременной проверке и оценке применяемых технологий, обеспечению целостности, прозрачности и интерпретируемости технического решения, по обработке данных.

Таким образом, в контексте развития правового обеспечения цифровой экономики в Беларуси видится необходимость систематизации нормативного правового массива и принятия комплексного нормативного правового акта, определяющего руководящие начала регулирования цифровой экономики, а также совершенствование отраслевого законодательства учитывающего особенности регулируемых общественных отношений.

Список использованных источников

1. Солонец, Д.О. Современные тенденции правового регулирования цифровой экономики в Республике Беларусь / Д.О. Солонец, О.М. Куницкая // Финансовое право в условиях цифровизации экономики: материалы междунар. науч.–практ. круглого стола, Минск, 13 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун–т; редкол.: В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 154–158.

2. Мефодьева, К.А. Цифровые данные как объект гражданско–правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Мефодьева К.А. – Федеральное государственное научно–исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». – Москва, 2019. – 228 л.